airiti

Словообразовательный и стилистико-прагматический потенциал диминутивных суффиксов имён существительных в русских частушках

Савченко А.В. , Го И Цзуюн (郭怡君)

Государственный университет Чжэн чжи,Тайвань

(國立政治大學助理教授、研究生，台灣)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению категории диминутивности в текстах русских частушек. В ней рассматриваются основные диминутивные словообразовательные суффиксы и производится попытка прагматического анализа различных диминутивных форм существительных в конкретных контекстах.

Ключевые слова: частушки, фольклор, диминутивность, диминутив, модифицирующие суффиксы, прагматика

本篇稿件於 2015 年 6 月 24 日通過刊登

airiti

在俄語四行詩中名詞後綴弱化之構詞及語用修辭

摘要

本文文旨為探討俄語四行詩中親暱詞的範疇。內容包含舉例親暱詞的構詞後綴及分析文本中不同親暱詞名詞形式的語用分析。

關鍵詞: 俄語四行詩、民俗學、親暱詞、派生後綴、語用學

Word-Formation and Stylistic-Pragmatic Potential of Nominal Diminutive Suffixes in Russian *Chastushkas* (folk songs)

Abstract

This study is dedicated to diminutive forms in Russian *chastushkas* (folk songs) with a special attention to their common suffixes. Another focus is placed on an pragmatic analysis of different forms of diminutive nouns in specific contexts.

Key words: Russian chastushkas, folklore, diminution, modifying suffixes, pragmatics.

airiti

Частушка представляет собой особый вид устного народного поэтического творчества. Одна из ее характерных особенностей – лаконичность: как правило, частушка состоит из 2 – 4 строчек. Тем не менее, каждая частушка – это законченное, полноценное художественное произведение, а «буквально каждое слово в частушке «на вес золота»» (Ермакова 2000, 134). Исполнение частушек может сопровождаться народными музыкальными инструментами (чаще всего они исполняются под гармонь и/или балалайку), хотя музыкальное сопровождение при исполнении частушки не является главным: часто люди поют частушки и без аккомпанемента.

Традиционно считается, что частушка появилась в XIX веке и ныне остается самым продуктивным и массовым жанром фольклора (Мешкова 2000, 139). Сам же термин «частушка» впервые встречается в статье Г. Успенского «Новые народные песни (Из деревенских заметок)», опубликованной в газете «Русские ведомости» (№ 110, 23 апреля 1889 г.). Позднее этот термин был введен в научный обиход (см. об этом: Адоньева 2004, 137).

Существует несколько толкований понятия «частушка». Приведём одно из них: «Частушки – короткие рифмованные лирические песенки, которые создавались и исполнялись как живой отклик на разнообразные жизненные явления, выражая ясную положительную или отрицательную оценку» (Зуева 2002, 359).

Существует несколько взглядов на происхождение частушки. Наиболее распространенными являются две противоречащие друг другу точки зрения. Согласно одной из них, частушка представляет собой фольклорный жанр Нового времени, ставший результатом влияния фабричного города на крестьянскую культуру (см. об этом: Адоньева 2004, 137). Этого мнения придерживался, например, Д.К. Зеленин. Он, в частности, пишет о том, что частушки, наряду с романсом, являются самыми модными и любимыми для русского народа поэтическими (и музыкальными – *прим. наше*) произведениями. «Частушки перестали быть «фабричною поэзией», как их окрестили на первых порах публицисты и этнографы; в той же захолустной деревне, от которой на сотни верст кругом нет никаких фабрик, вы непременно услышите молодых певцов, ухарски «наяривающих» на гармонике, с бесконечными «переборами», «частую» о милке и миленочке» (Зеленин 1994, 27, цит. по: Адоньева 2004, 137).

airiti

Противоположной точки зрения придерживаются, например, А.И. Соболевский, П.А. Флоренский, Е.Н. Елеонская и др. Они считали, что частушка является традиционным фольклорным жанром, уходящим корнями в глубины народного творчества. Одним из приводимых ими аргументов было то, что «частушка, заняв самостоятельное место – вне какого-либо действия или ритуала, бытовала также в качестве припевов во время деревенской пляски, традиции несомненно, древней» (Адоньева 2004, 137; 138).

И.О. Мешкова замечает: «Частушка – это вид устного народного творчества, представленный несколькими жанрами» (Мешкова 2000, 5). Она также отмечает большое тематическое разнообразие частушек. Подтверждением этого является, например, сборник, составленный Ф.М. Селивановой, в котором представлены следующие темы: «Деревенские заботы», «Родители и дети», «Крестьянская доля», «Деревенская вольница», «Замужество и женитьба», «Рекрутчина и солдатчина», «Война с Японией», «Первая мировая война», «Октябрьская революция и гражданская война», «Двадцатые – тридцатые годы», «Служба в Красной Армии», «Великая Отечественная война», «На посиделках», «На гулянье», «Сбывшиеся мечты», «Пересуды, сплетни», «Слава»», «Сомненья и раздумья», «Разлука при любви», «Разлука: конец любви», «Измена», «Повторительная любовь», «Без взаимности», «Характеры» (Селиванова, 1990).

Тем не менее, до сих пор в фольклористике нет единого четкого жанрового определения частушки. В книге «Традиции жанра как критерий фольклорности в современном творчестве» В.П. Аникин назвал частушку лирическим произведением «повышенного общественного звучания» (Аникин 1964, 8).

Независимо от взглядов на происхождение и природу частушки, ученые отмечают ее тесную связь с напевом: частушка имеет особую интонационно-ритмическую структуру, и, как уже отмечалось выше, чаще всего исполняется под музыкальный аккомпанемент (см. об этом подробнее: Адоньева 2004).

Известный собиратель фольклора Н.А. Иваницкий, давая определение частушке, писал, что «частушкой зовется песня, которая поется не на голос, не протяжно, а часто почти речитативом. Частушки составляются обыкновенно из отдельных стихов или строф, не имеющих между собой связи, поэтому они не имеют ни начала, ни конца. Но размер стихов всегда одинаков» (Иваницкий 1960, 24; цит. по: Дранникова 1994, 3). Наряду с этим, в Словаре русского фольклора

airiti

пишется о том, что «частушки имеют разнообразные, но повторяющиеся, устойчивые напевы – как протяжные, так и быстрые. Характерно исполнение многих текстов на один напев. В живом бытовании частушкам свойственна речитативность. В них сочетаются слово, напев, инструментальное сопровождение, движения» (Русский фольклор. Словарь-справочник 2002, 291).

Итак, по мнению Ю.А. Эмер, частушка представляет собой один из активно функционирующих жанров современного фольклора, бытующего как в деревне, так и в городе. Можно даже отнести частушку к жанрам, формирующим современное фольклорное ядро, общее для разных субкультур (Эмер 2013, 137).

Н.В. Дранникова указывает, что «анализ функций частушек и их поэтики привел к выводу о том, что последние возникли в результате сложного взаимодействия нескольких народно-поэтических жанров. Функциональная связь здесь тесно переплетается с генетической» (Дранникова 1994, 22).

Ярким тексто-, рифмо- и ритмо-, а также смыслообразующим элементом частушки является диминутив.

Затрагивая вопрос функционирования категории диминутивности в русском языке, достаточно интересным и существенным нам представляется мнение О.С. Гузиной, которая отмечает: «Национальные черты русского народа на словообразовательном уровне проявляются в использовании следующих примет: деминутивы (слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами), выражающие задушевность (*голубчик, душенька, миленький*), фольклорные коннотации, иронию (*работничек, типчик, племянничек*), приторную вежливость (*налейте супчику, загляну вечерочком*), пренебрежение (*денежки в карман – и домой*), а также разговорность: *вечерочком*» (Гузина 2004).

Диминутив – это слово, передающее субъективно-оценочное значение малого объема, размера и т.п., обычно выражаемое посредством уменьшительных аффиксов. Значение уменьшительности также может сопровождаться различной эмоционально-экспрессивной окраской (Мельников, Шунейко 2013, 1).

Говоря об истории изучения категории диминутивности в русском языке, вспомним, например, что М.В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» выделял имена уменьшительные и делил их на ласкательные и презрительные. В то время М.В. Ломоносов еще детально не указывал суффиксы, образующие

airiti

такие формы слов. По мнению Ломоносова, уменьшительность получается от соответствующих окончаний.

Ф.И. Буслаев был первым, кто обратил внимание на суффиксы, образующие уменьшительные имена. Он высказывал мысль о том, что уменьшительные, ласкательные и «унизительные» имена «пользуются звуком *к* и соответствующим ему смягченным *ц*; между *к* и *ц* и корнем слова вставляются вспомогательные звуки: *-ущ, -ыш, енъ, -ен* (*мат-уш-ка, солн-ыш-ко, руч-ень-ка, руч-ён-ка*). По словам Ф.И. Буслаева, этими вспомогательными серединными суффиксами различаются между собой имена уменьшительные, ласкательные и унизительные (Ф.И. Буслаев «Опыт исторической грамматики», 1858).

А.А. Шахматов выделял категорию субъективной оценки, которая, на его взгляд, обнаруживается посредством словообразовательных суффиксов, дающих основание различать слова со значением уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности (Шахматов 1913, 61).

З.И. Резанова выделяет несколько проявлений уменьшительности: а) меньший по объемным параметрам – высоте, габаритам (*носик, огурчик*); б) меньший по степени проявления интенсивности (*ветерок, холодок*); в) меньший по значимости (*статейка, разговорчик*); г) отклоняющийся от нормы по каким-либо качествам (*горошек, супчик*) (Резанова 1996).

Существительные с суффиксами субъективной оценки (диминутивами), имеют различные функции. Функцию существительных с уменьшительными суффиксами рассматривает, в частности, Ю.Л. Воротников. По его мнению, употребление существительных с уменьшительными суффиксами точно соответствует трем функциям языка: они имеют денотативную (функцию сообщения), экспрессивно-эмоциональную (функцию воздействия) и конативную функцию – функцию обращения к собеседнику (императивы, привлечение внимания, побуждение) (Воротников 1988, 65).

В.А. Кузьменкова указывает два основных значения диминутивных суффиксов в русском языке: собственно-уменьшительное и ласкательное. Форма диминутива также может служить формой вежливости (Кузьменкова 2000, 117).

С помощью подобных суффиксов образуются, с одной стороны, существительные, называющие какие-либо понятия, с другой стороны, слова, выражающие отношение говорящего к какому-либо объекту действительности.

airiti

В этом случае такие суффиксы привносят в значение слова определенную степень экспрессивности. И.Б. Голуб высказывает мнение о том, что в состав эмоциональной лексики включаются слова с суффиксами субъективной оценки, передающие различные оттенки и чувства (Голуб 1976, 63).

Говоря об эмоциональной оценке, которую могут нести на себе диминутивы в определенном контексте, приведем мнение В.Д. Девкина, отмечающего, что к неуменьшительной роли диминутивов относится «...выражение эмоциональной оценки – положительной (ласки, симпатии): о маленьком ребенке – такая лапушка, вьющиеся волосики, умненькие глазки; отрицательной: о неприятной женщине – редкие волосики «...». При этом важно отметить, что одно и тоже слово-диминутив может иметь в зависимости от условий употребления провоположную оценку (Девкин 1992, 17; цит. по: Ефимова 2006, 50). С точки зрения Девкина, диминутивы не всегда указывают на малые размеры предмета, т.е. не всегда выступают в своей основной функции. «Определять семантику диминутива можно главным образом, исходя из контекста, потому что одно и то же слово допускает разное осмысление» (там же, с. 51). На наш взгляд, наиболее четко субъективно-эмоциональное и конкретное уменьшительное (или уничижительное) значение можно определить и/или разграничить лишь в контексте.

Можно предположить, что семантика диминутивных суффиксов и прагматика их употребления в тексте достаточно тесно связаны друг с другом: семантика диминутивного суффикса оказывает влияние на значение или его оттенки в конкретном контексте, в то же время, определенные прагматические факторы влияют на выбор того или иного суффикса с диминутивным (субъективно-оценочным) значением в том или ином контексте, определённой коммуникативной ситуации.

В качестве иллюстрации приведём суффикс -*ёшк*:

Существительные женского рода с данным суффиксом имеют уменьшительно-уничижительное значение (РГ 1982, 215)

Ой, поймала я рыб*ёшк*у,
Да с колючей спинкою,
И милёнок мне попался

airiti

С хилой сердцевинкою.

С помощью суффикса *-ёшк* слово *рыбёшка* приобретает значение уменьшительности: *очень* маленькая рыбка; словообразовательная модель: рыба: рыб- + *-ёшк* + а → рыбёшка. Эта «уменьшительность» дополнительно подчеркнута другой диминутивной формой – *спинкою*. Обе эти формы выражают лишь экспрессивную характеристику размера (рыба слишком маленькая для того, чтобы ее можно было употребить с какой-либо пользой), однако об уничижительности (т.е. крайне негативной оценке) в данном случае едва ли можно говорить. Исходя из всего контекста, диминутивная форма рыбёшка, скорее, имеет шутливо-ироничный оттенок (найденный возлюбленный, как и пойманная рыба, оказался «безполезным» – *С хилой сердцевинкою*). Примечательно, что диминутивная форма *сердцевинка*, образованная с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-* (т.е. общее позитивное значение) в данном контексте имеет как раз общее уменьшительно-уничижительное значение, подчеркиваемое экспрессивным прилагательным *хилый*, имеющее в словарях помету *пренебрежительное*. Можно отметить, что в данном случае диминутивный суффикс, по сути, выполняет обратную функцию: уничижительность вместо ласкательность).

Другой пример:

У меня была бабёшка -
Ничего себе так, крошка!
Косы рыжие распустит,
До рассвета не отпустит...

В слове *бабёшка* суффикс *-ёшк*, скорее, выражает не уменьшительно-уничижительное значение, а придает слову шутливое, но при этом несколько иронично-пренебрежительное (т.е. все-таки ближе к негативному) отношение. Диминутив *крошка* выполняет в частушке как ритмо-рифмическую функцию (рифма: *бабёшка-крошка*), так и подчеркивает некоторую пренебрежительность по отношению к объекту частушки (в разговорном языке *крошка* – фамильярное обращение к молодой девушке).

Прагматические факторы являются важным звеном в отношениях между единицами в любом дискурсе (т.е., иными словами, в любой сфере

airiti

коммуникации). Термин «прагматика» впервые получил обоснование в работе Ч. Морриса «Основание теории знаков» как раздел языкознания, который наряду с семантикой и синтаксисом образует область семиотических исследований. В широком смысле прагматика изучает отношение знаков к их интерпретаторам; семантика – отношение знаков к объектам, которые они замещают; синтаксис – отношения знаков между собой (см. Morris: 1938, 6-7, цит. по: Глазунова 2000).

В семиотике и языкознании прагматика – это направление, изучающее отношения между средствами языка и теми, кто этими средствами пользуется; само такое отношение (ТСРЯ, 2008). Прагматика также определяет, с какой конкректной целью, для достижения каких целей используется определенная языковая единица в речи.

С точки зрения прагматики, всякое высказывание обретает смысл только в связи конкретными целями говорящего, с ожидаемыми эффектами воздействия высказывания на слушающего, с ситуацией общения (Русский язык. Энциклопедический словарь, 1907).

В.З. Демьянков отмечает, что в отличие от семантики, которая устанавливает значения выражений, прагматика устанавливает, каковы цели и результаты использования языка в человеческой деятельности (Демьянков 1981, 368). При этом важно подчеркнуть, что прагматика высказывания по своей природе ситуативна, то есть непосредственно связана с конкретными условиями протекания речевого общения, и значения многих слов определяются конкретной коммуникативной ситуацией.

Попытаемся проанализировать несколько текстов частушек в прагматическом аспекте: определим особенности семантики диминутивных суффиксов, а также их прагматические и стилистические функции, проявляющиеся в конкретном контексте и связанной с таким контекстом определенной прагматической ситуации.

Несмотря на основные значения диминутивных суффиксов, указанных в «Русской грамматике», максимально точно определить значение, оттенки значения того или иного диминутивного суффикса можно лишь с учетом той прагматической функции, которую он несет в конкретном контексте. Важность контекста особенно важна для суффиксов, которые могут иметь как позитивное, так и негативное значение (именно в зависимости от контекста).

airiti

Анализ прагматической функции диминутивов в частушках можно осуществлять, опираясь на разные критерии и на основе разных методологических подходов. Попытаемся лишь в самых общих чертах представить анализ основных контекстуальных функций диминутива, охарактеризуем те наиболее существенные роли, которые играют диминутивные суффиксы в стилистической окраске как конкретного слова, так и всего фрагмента в целом.

Взаимозависимость семантики и прагматики диминутивных суффиксов, контекстуальные особенности использования диминутивов в текстах русских частушек, их прагматические и стилистические функции покажем на примере суффикса -*ишк,* имеющего, значение пренебрежительности, уничижительности и реже ласкательное значение.

Возьмем, к примеру, суффикс -*ишк,* имеющий, значение пренебрежительности, уничижительности и реже ласкательное значение.

С гор потоки, с гор потоки,
С гор холодная вода.
Насмеялся дрянь-мальч*ишк*а,
А хороший никогда.

Ты зачем же завлекала,
Что же раньше думала?
Из веселого мальч*ишк*и
Сделала угрюмого.

Оставайся, брат Ванюха,
Траву зелену косить,
А мне, бедному мальч*ишк*е,
Шинель серую носить.

В данных примерах слово *мальчишка,* образованное с помощью суффикса -*ишк* от стилистически-нейтрального *мальчик* (примечательно, что и эта словоформа – исторически диминутив), благодаря окружающему контексту способно приобретать и выражать разные оттенки значения. Сама диминутивная

airiti

форма этого слова – *мальчишка* – зафиксирована в «Словаре русского языка» в следующих значениях: 1) *разг.* мальчик, 2) *пренебр.* о недостаточно зрелом, неопытном, несерьезном человеке (СРЯ 1983). Таким образом, диминутивный суффикс изначально вносит в семантику слова определенную стилистическую окраску (нейтрально-разговорную или экспрессивно-негативную), которая в дальнейшем зависит от контекста употребления. Поэтому помимо основного значения слова и «степени экспрессивности» пометы, важную прагматическую роль играет именно конкретное, определенное, прагматически обусловленное словесное окружение.

В первом примере суффикс *-ишк* выступает в своем основном, негативном оценочном значении (т.е. слово употреблено во втором – негативном словарном значении). Это негативное значение в данном контексте дополнительно подчеркивается экспрессивно-оценочным словом *дрянь – разг., пренебр., бранн.* о ком-чём-нибудь скверном, плохом, ничтожном (ТСРЯ 2008, 218). «Пренебрежительный» характер значения данного слова в сочетании с экспрессивно-оценочным *дрянь*, также выражающим резко негативную оценку, указывает на общую пренебрежительность, в несколько раз стилистически усиленную «негативность» отношения к «субъекту» частушки – ещё слишком молодому, совсем неопытному и при этом обладающему скверным характером человеку.

Во второй частушке слово *мальчишка,* сохраняя основной для данного контекста оттенок разговорности, дополнительно несет на себе легкий оттенок ласкательности (относящийся к разряду положительных значений), что подчеркивается в контексте прилагательным *веселый.* Такой оттенок ласкательности проявляется на фоне «контекстуально-содержательного» контраста: главный герой частушки был «веселым мальчишкой», но из-за несчастной любви превратился в «угрюмого» (можно рассматривать оппозицию веселый – угрюмый [мальчишка] как «ласкательное» отношение к себе в прошлом, когда «была любовь», и жалость к себе в настоящем, когда «любви не вышло»).

В последнем примере диминутивный суффикс также прямо не вносит в значение негативную коннотацию. Влияние на конкретный оттенок значения и стилистическую окраску, которое суффикс *-ишк* придает слову *мальчишка,*

airiti

оказывает прилагательное *бедный*, находящееся в препозиции и выполняющее синтаксическую функцию определения. В данном случае слово *бедный* означает «несчастный» и в сочетании со словом *мальчишка*, с одной стороны, создает эффект разговорности (при этом как бы подчеркивается, что «субъект» слишком молод), с другой стороны, прилагательное «отрицательного» по значению характера (т.е. обозначающее что-то негативное) в сочетании с диминутивом невольно вызывает у читателя жалость к главному герою: он еще слишком молод, почти не видел жизнь, а ему надо идти на военную службу, и может быть даже на войну, где он может погибнуть. Общая стилистическая «нейтральная разговорность» текста частушки, без акцентирования «положительности» или «отрицательности», подчеркивается и разговорной, неформальной формой имени собственного *Ванюха* (Ваня, Иван; суффикс *-юх,* как правило, образует «стилистически сниженные синонимы имен существительных – личных нарицательных, от которых они образованы» (Ефремова 2000)), что воссоздает в частушке атмосферу обычного непринужденного, дружеского разговора.

Вариативность семантического и прагматического значения диминутива в определенном контексте продемонстрируем на примере «противоположного» с точки зрения «гендерности» (принадлежности к определенному полу) слова *девчонка.*

Глупо сделала девч*онк*а –
Замуж торопилася:
Увидала бабью жизнь –
Скоро прослезилася.

Я в девч*онк*ах красовалась,
Точно розанчик цвела.
Замуж вышла, позавяла,
Что кошеная трава.

Не сама гармонь играет –
Ее надо растягать.
Не сама девч*онк*а любит –

airiti

Ее надо завлекать.

В первом примере диминутивный суффикс -*онк* выступает в основном – негативном оценочном значении. Диминутивная форма слова *девчонка* зафиксирована в «Словаре русского языка» в следующем значении: *уничиж.*, об очень молодой, легкомысленной, несерьезной девушке (СРЯ 1983). В «Толковом словаре русского языка» указываются следующие значения этого слова: 1) *разг.*, вообще о девочке, 2) *пренебр.*, о молодой и неопытной женщине (ТСРЯ 2008). Влияние на семантику этого суффикса в данном конкретном контексте оказывает экспрессивное наречие *глупо* в сочетании с глаголом *торопиться,* с помощью которых слово *девчонка* получает коннотацию «неопытная, глупая, наивная». Наречие *глупо* подчеркивает общую негативную оценку, даваемую главной героине частушки, в свою очередь, форма глагола *торопилася* подчеркивает, что героиня действует, принимает решение слишком быстро и необдуманно, что в результате привело ее к печальным последствиям. Таким образом, диминутив существительного в сочетании с этими словами-«контекстуальными маркерами» помогает выразить (а читателю понять) отношение к этой девушке: несмотря на свою неопытность («слишком молода»), она поступает довольно самоуверенно, поэтому и отношение к ней, скорее, критически-пренебрежительное.

Во втором примере, где повествование ведется уже от первого лица, слово *девчонка* имеет, скорее, оттенок разговорности. Здесь данное диминутивное слово четко не заключает в себе позитивное или негативное значение. В частушке используется словосочетание *в девчонках,* которое построено по модели фразеологизма *ходить в девицах*. Фразеологизм *в девушках, в девицах* зафиксирован в «Фразеологическом словаре литературного языка» в следующем значении: *разг.* До замужества; не замужем (ФСРЛЯ 1995). Вместо устаревшего *девица* (мн.ч. *девицы*) употреблено слово *девчонка* в аналогичной форме предложного падежа множественного числа; оно имеет более разговорный, «неформальный» стилистический характер. В контексте этим словом, на фоне устойчивого сравнения «Точно розанчик цвела», подчеркивается, что когда-то она была юная, незамужная, красивая. Диминутивный суффикс в данном случае вносит в семантику слова нейтрально-разговорную окраску.

В третьем примере слово *девчонка*, также, обладает разговорной

airiti

стилистической окраской. В этой частушке метафорически сравнивается гармонь и молодая девушка: как для того, чтобы услышать звуки гармони, сделать так, чтобы она заиграла, требуются руки умелого музыканта, так и для того, чтобы молодая девушка раскрыла лучшие свои качества и стороны, нужна инициатива и активные действия, внимание со стороны мужчины. В данном контексте слово с диминутивным суффиксом *-онк* придает ему черты разговорности (можно предположить, что данной диминутивной словоформой на фоне всей контекстуальной ситуации немного иронично подчеркивается, что любая девушка мечтает о любви и ждет проявления к себе внимания). Таким образом, можно сказать, что диминутивный суффикс подчеркивает нейтрально-разговорную окраску слова, создавая в контексте эффект неформальной атмосферы, раскрепощенности.

Итак, в качестве основных итогов можно отметить следующее: широкое употребление разнообразных диминутивных форм (в первую очередь, существительных, а также прилагательных, числительных и наречий) является яркой отличительной чертой частушек как специфического вида устного народно-разговорного поэтического творчества.

Категория диминутивности в русском языке представлена достаточно большим количеством диминутивных суффиксов, имеющих, в зависимости от контекста, широкую палитру значений, что в определенной степени доказывается их активным употреблением в русских частушках. Диминутивы в частушках выполняют как ритмические (рифма), так и различные стилистико-прагматичекие функции.

Можно констатировать, что общее значение, а также контекстуально-оттеночные значения диминутива, складываются из семантики определённого модифицирующего диминутивного суффикса в совокупности с общей семантикой, конкретным значением исходного слова, от которого с помощью данного суффикса образуется диминутивная лексема, а также от окружающего такую диминутивную лексему контекста. Таким образом, функционирование диминутива должно рассматриваться в рамках его «словообразовательно-прагматического» значения.

В русском языке категория диминутивности в целом является достаточно

airiti

развитой и широкоупотребительной. Диминутивные формы весьма характерны для живой неформальной разговорной речи.

Литература

1. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Амфора, 2004.
2. Аникин В.П. Традиции жанра как критерий фольклорности // Русский фольклор. М.: 1964. Вып. 10. С. 82-96.
3. Гузина О.С. Основные направления изучения культуры русского народа в процессе преподавания русского языка в средних специальных учебных заведениях // Филологические науки. Методика преподавания языка и литературы. Российский университет дружбы народов, Россия, М: 2004.
4. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М: Высшая школа, 1976.
5. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПБ., 2000.
6. Дранникова Н.В. Формирование жанра частушки как один из этапов развития народной поэзии (На материале Архангельской области). М., 1994.
7. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, т. 40, № 4, 1981.
8. Ефимова А.И. Стилистика художественной речи. М: Изд. Московского университета, 2006.
9. Ермакова О. Л. Деминутив в русской частушке // Досуг. Творчество. Культура: Сборник научных трудов. – Омск: Сибирский филиал РИК, 2000. – Ч.1. – 148 с. С.133-136.
10. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. М: Русский язык, 1981.
11. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
12. Зеленин Д. К. Новые веяния в народной поэзии // Зеленин Д. К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994.
13. Зуева Т.В. Русский Фольклор словарь-справочник. М.: Просвещение,

airiti

2002.

14. Кузьменкова В.А. Диминутив как средство высказывания // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 34. - М., 2007, - С. 38–44.
15. Мешкова О.В. Своеобразие Частушки // Вестник Челябинского университета. Серия 2. Филология. N 1 (11). 2000, С. 139-145.
16. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя Томск, Изд: ТГУ, 1996.
17. Словарь русского языка Том 1 А-Й, академия наук СССР институт русского языка, москва издательство «Руссуий язык», 1981.
18. Фёдров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка, том 1, ВО «Наука» Новосибирск 1995.
19. Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. М: Наука, 1980.
20. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (российская академия наук отделение историко-филологических наук институт русского языка им. В.В. Виноградова). М: «Азбуковник», 2008.
21. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. – СПб., 1913.
22. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (российская академия наук отделение историко-филологических наук институт русского языка им. В.В. Виноградова). М., 2008.
23. Эмер Ю.А. Миромоделирующая функция частушки в праздничном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики, 2013, № 1. С. 136-142.